

Психологическая теория современного образования

В.Е. Ключко, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии Томского государственного университета / klo@nextmail.ru

МНОГОМЕРНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Рассматриваются методологические основания системной антропологической психологии (САП) как научного направления, разрабатываемого большой группой сибирских ученых. САП представляет собой теорию, базирующуюся на аксиоматике культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и трансспективном анализе как специально разработанном средстве, позволяющем выявлять тенденции развития науки как саморазвивающейся системы. Транспективный анализ позволил выявить процесс закономерного усложнения профессионально-психологического мышления в ходе становления научного познания, и показать, что пространство современной психологии представлено теориями, построенными с помощью мышления разного уровня сложности. Применительно к психологии раскрывается понятие «комплиментарное взаимодействие», используемое в разных науках, как естественных, так и гуманитарных. На базе многомерной логики дается объяснение природы становления многомерного жизненного пространства человека, каковое и выступает в качестве базального основания для возникновения таких свойств сознания как его системность и осмысленность.

Ключевые слова: *парадигмальная динамика науки, саморазвитие, самоорганизация, избирательное взаимодействие, комплиментарность, одномерность, бинарность, тернарность, многомерность.*

В этой работе продолжены линии развития некоторых идей, намеченных мной в статье «Психологические основания системной педагогической антропологии», опубликованной не так давно на страницах данного журнала [12]. Эту статью я заканчивал словами своего учителя Олега Константиновича Тихомирова, которого с удовольствием процитирую еще раз. «Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по край-

ней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как “отражении” реальности, второй – в разработке представлений о психике как порождению новой реальности. Я выбираю второй путь» [8, с. 59].

Далее я высказал предположение о том, что *скоро перед необходимостью такого же выбора окажутся педагоги*. Ясно, что такого рода прогнозы требуют серьезной аргументации: освоение новой парадигмы предполагает карди-

нальную перестройку профессионального (психологического и педагогического) мышления. При этом психологам ее освоение обходится несколько легче. Если 20 лет назад мало кто из нас сомневался в незыблемости принципа отражения, то сегодня найдется не так уж много прямых приверженцев этого принципа. Сказывается все-таки опыт онтологизации психологического познания. «Человек и мир оказываются двумявзаимодополняющими элементами единой системы, из которой нельзя вычленить человека, чтобы рассматривать его вне отношений и вне связи с миром» [16, с. 217].

Самое существенное заключается в том, что *выход к многомерным пространствам человеческого бытия постепенно оборачивается включением этих пространств в само определение человека*, выводит к образу человека как существу далеко не подкожному, продленному в мир, укорененному в нем. Заметим, что этот образ становится доминирующим в психологии, осваивающей постнеклассическую парадигму. Чем это обусловлено?

Эквифинальность как закономерность развития психологического познания

Можно утверждать, что современность оправдывает усилия, потраченные учеными на выход к «смысловым полям» (Л.С. Выготский), к «жизненным пространствам» (К. Левин), «личностным пространствам» (К. Ясперс), «жизненным мирам» (Л. Бинсвангер, Ф.Е. Василюк), «транссубъективным

пространствам» (Д.Н. Узнадзе), «многомерному миру человека» (А.Н. Леонтьев), «многомерному пространству жизни» (В.Е. Клочко). Интересно при этом отметить эквифинальность, которую демонстрируют психологические концепции. Суть ее в том, что начальные условия, с которых начинают свои концептуальные построения ученые, могут существенно отличаться. Например, они используют различные методологические установки, но остается вопросом, как они при этом выходят к вполне сопоставимым идеям. Замечу, что эквифинальность можно понять как закономерность, но природа этой закономерности остается достаточно загадочной. Обусловлено это тем, что эквифинальность демонстрируют открытые системы определенного уровня сложности (Л. фон Берталанфи), но проблема в том, что методология науки пока не овладела в полной мере способностью смотреть на саму науку как сложную открытую саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему.

Что же касается системной антропологической психологии, то ее аксиоматика изначально включила в себя определение науки как закономерно усложняющейся открытой системы, включая сюда и закономерное усложнение используемых ею форм, стилей и уровней мышления (одномерное – бинарное – тернарное – многомерное мышление) [10]. Выстраивая концептуальный каркас новой теории, мы пытались не просто приспособить исходный методологический базис культурно-исторической психологии к современным реалиям развивающейся науки, но в некоторой

степени предвосхитить, спрогнозировать то состояние научного пространства, которое с большой вероятностью будет характеризовать науку в ее ближайшем и более отдаленном будущем.

Иными словами, мы опирались на результаты просчета объективных тенденций развития науки, полученные с помощью специально разработанного метода, который раньше называли историко-системным подходом, а теперь предпочитаем определять понятиями «транспективный подход», «транспективный анализ» [10]. Выход к тенденциям развития науки оказался плодотворным в том плане, что он позволил увидеть процесс движения психологического познания в новом ракурсе, но одновременно вывел к идее, которая пока достаточно сложно ассимилируется научным сообществом.

Речь идет об идее закономерного усложнения профессионально-психологического мышления в ходе становления научного познания. Безусловно, она противостоит распространенному на сегодня представлению о пролиферации как механизме «размножения» теорий по принципу «пусть цветут все цветы», и тем самым нивелирует ставшую популярной идею методологического плюрализма и толерантности. Кроме того, из нее вытекает, что пространство психологии представлено теориями, построенными с помощью мышления разного уровня сложности, которое использовали создатели этих теорий, и, следовательно, прямая интеграция науки путем проекции теорий на плоскость ее актуального бытия невозможна.

С нашей точки зрения, за многообразием теорий открывается искомая эквифинальность науки как присущая ей закономерность. Поэтому мы и акцентируем тот факт, что не мышление меняется в связи со сменой парадигмы, а наоборот, меняющееся (закономерно усложняющееся) научное мышление с помощью понятия «парадигма» заявляет о наступлении нового этапа в своем становлении [12]. Изучая развитие науки в ее движении, т.е. транспективно, можно понять, как внутри одной формы мышления вызревают черты и признаки новой, более высокой будущей формы.

Итак, эквифинальность науки открывается при взгляде на нее как саморазвивающуюся систему. Выход к многомерному мышлению предопределен, поскольку и теории, составляющие науку, выступают в качестве элементов этого саморазвивающегося целого. На смену образу науки как саморегулирующегося явления, «растущего изнутри» в процессе постановки и разрешения познавательных головоломок (Т. Кун), приходит новый образ науки. Она начинает рассматриваться как саморазвивающаяся система, которая находится в постоянном обмене информацией – не только внутри себя (между теориями), но и со своей средой, каковую и составляют культура в широком смысле слова, включая сюда другие науки, философию, религиозные учения и т. д. Источник (само)развития науки связывается теперь с процессом кросс-фertilизации – «взаимного оплодотворения» (Л. фон Берталанфи) различных научных дисциплин в процессах внут-

рисистемных и межсистемных взаимодействий. Кросс-фертилизацию можно представить как внутренний механизм эквифинальности. Эта система внутренних и внешних взаимодействий обеспечивает усложнение науки, в том числе и по отмеченной выше линии усложнения форм, стилей и уровней профессионального мышления. Например, сближение гуманитарного и естественнонаучного мышления также можно понять как результат кросс-фертилизации, а значит как закономерность эквифинального уровня.

В свое время Т. Кун, полемизируя с К. Поппером, писал о том, что они оба отвергают представление, согласно которому наука прогрессирует путем кумулятивного прироста знаний, противопоставляя этому представлению концепцию «революционного процесса», в ходе которого старая теория отбрасывается и заменяется новой, поскольку оказывается неспособной «ответить на вызов логики, эксперимента или наблюдения» [14, с. 20]. Однако и концепция «научных революций» не может объяснить природу прогрессивной эволюции отдельной науки. Остаются вопросы о том, почему столь неуклонно и почти одновременно нарастает уровень системности мышления ученых, работающих в разных науках, и почему различные науки почти синхронно начинают менять тип рациональности. Эквифинальность подчеркивает тот факт, что в актах взаимодействия с окружающей средой открытая система способна превращать имеющиеся у нее возможности развития в потенции, т.е. в такие возможности, которые «облада-

ют силой на свое осуществление» [17]. Сам механизм перехода возможности в действительность остается пока малоизученным, но постепенно становится понятным, что решение проблемы саморазвития связано с раскрытием природы взаимодействия системы со средой. Обмен открытой системы со средой, безусловно, включает в себя взаимодействие, но необходимо особо отметить его специфику: *это направленное и избирательное взаимодействие, обладающее порождающим эффектом.*

Когда О.К. Тихомиров до предела обострил проблему выбора современным психологом своего пути, обозначив две возможных альтернативы (либо оставаться в логике понимания психического как отражения реальности, либо переходить в логику понимания психического как порождения новой реальности), то тем самым он обнажил точку бифуркации, к которой подошла наука 20 лет назад. Говоря о том, что взаимодействие открытой системы со средой, являющееся внутренним механизмом обмена, необходимо выделить как особый род взаимодействий, существующих в природе, мы тем самым открываем пространство, в котором можно искать ответ на вопрос о связи психического с порождением многомерного мира человека. Утверждая, что это взаимодействие является избирательным и направленным, мы тем самым признаем, что отношение системы с ее средой каким-то образом оказывается включенным в акт взаимодействия, и что именно своей включенностью в сердцевину взаимодействия отношение придает взаимодействию

направленный и избирательный характер. Учитывая разнообразие открытых систем (физических, биологических, психологических, социальных), уровни сложности их системной организации, зададимся вопросом о том, насколько указанная специфика взаимодействия как внутреннего механизма обменных процессов (избирательность, интенциональность, порождающий эффект) является универсальной.

Известно, что режимом существования открытых систем является усложнение их системной организации. Саморазвитие системы нельзя понять, если не признать самоорганизацию в качестве механизма саморазвития. В широком смысле самоорганизация – это присущая материи способность к усложнению элементов и созданию все более упорядоченных структур в ходе своего развития. Важно, что эффект самоорганизации обнаруживается на всех уровнях сложности и упорядоченности, начиная с макромира и кончая крупномасштабными структурами Вселенной. Не может ли так быть, что наметившаяся сегодня тенденция сближения гуманитарного и естественнонаучного познания опирается на некие универсалии, которые открываются по мере раскрытия сущности обмена, который является основанием устойчивости существования открытых систем и их саморазвития? Заметим, что уже сравнительно давно статус ключевой проблемы приобрела «проблема соединения и синтеза двух измерений человеческого существования – природного и социокультурного – и, соответственно, двух методо-

логий его изучения – классической и неклассической» [6, с. 211].

Принцип избирательности и направленности взаимодействия как базальный принцип системной психологической антропологии

С нашей точки зрения, этот принцип применим по отношению к любым открытым системам, как живым, которые изучают науки гуманитарной ориентации (в том числе таким, как человек, наука и т.д.), так и тем системам, которые изучают естественные науки. Можно утверждать, что все открытые системы умеют распознавать в безразличной для них среде то, что имеет для них актуальный смысл, т. е. непосредственное отношение к текущему (здесь и теперь) состоянию системы. Они не ждут, когда к ним случайным образом или, что почти то же самое, в процессе бессмысленного перебора всего сущего «прилетит» извне нечто, имеющее смысл здесь и теперь. Существовая за счет обмена со средой, они имеют свои, отработанные эволюцией органы отбора, принцип работы которых, при всей несовместимости их сложности, тождественен в одном.

Открытые системы способны проецировать в среду свое ожидание, и тем самым так *искажать ее своим присутствием в ней*, что в ответ на этот запрос, обращенный к среде, из нее отзывается, резонирует только то, что способно ответить на это ожидание, т. е. имеющее актуальный смысл. На этом принципе работают как электрические поля, окружающие заряженные частицы, так

и смысловые поля человека. Если это так, то намечается возможность выйти к общему основанию, позволяющему сблизить естественнонаучное и гуманитарное мышление, а такое сближение является составной частью более глубокой проблемы синтеза двух культур мышления в рамках построения целостной картины мира. Наблюдающийся до сих пор разрыв между двумя культурами мышления принципиальным образом ограничивает развитие самого научного знания, одновременно гася надежду на построение единой самосогласованной научной картины реальности. Позитивный дискурс внутри общенаучного пространства крайне ограничен, если общение в нем ведется через концептуальные перегородки, возводимые особенностями осмысления, описания и понимания явлений, присущими каждой из культур. Культуры мышления, в своей развитой форме, не опознают друг друга как комплементарные, т. е. взаимодополняющие.

Как указывает В.С. Библер [1], дополнительность взаимоисключающих определений оказалась «труднопереносима для разума», воспитанного классической наукой, хотя теперь (с учетом опыта освоения неклассической парадигмы) труднопереносимой для нашего разума становится совсем другая идея, при этом гораздо более сложная. Признав на переходе к неклассическим идеалам рациональности комплементарное взаимодействие (от лат. *complementum* – дополнение), сегодня, на стадии освоения идеалов постнеклассической рациональности, мы вынуждены признать существование

комплиментарных взаимодействий (от фраз. *compliment*).

Комплиментарность, по Л. Гумилеву, использовавшему оба термина, это акт понимания, выходящий за границы эмпирического опыта данной культуры, основа симбиоза культур, вторжение одной действительности в другую, вызывающее *порождение новой действительности*. Казалось бы, что здесь является таким «труднопереносимым» для разума? Однако, если идея дополнительности взаимоисключающих определений (комплементарность) до сих пор кажется сложной, то через комплиментарность мы сталкиваемся с вещами сверхсложными, лежащими за пределами гносеологически понятого взаимодействия с его отражательным эффектом [10]. Здесь речь идет об онтологии взаимодействия, об его избирательности и направленности, об отношении, включенном в сердцевину акта взаимодействия, как условия, обеспечивающем саму возможность взаимодействия, обладающего порождающим эффектом. Этим открывается путь к познанию сущности саморазвития, к объяснению механизмов усложнения системной организации как способу устойчивого существования открытых систем.

Таким образом, всего одна буква отличает понятия комплементарность и комплиментарность, но каждое из них знаменует собой целую эпоху в развитии научной мысли, а дистанция между ними конституирует тенденцию закономерного усложнения научного мышления. Самое интересное заключается в том, что если понятие «комплементар-

ность» (и его аналоги) пришло в гуманитарные и социально-экономические науки из естественнонаучных дисциплин, то понятие комплиментарность совершает обратную эволюцию – из гуманитарного знания в естественнонаучное. И если пять лет назад частота употребления этих двух связанных понятий и их аналогов, например, в Рунете была зафиксирована на уровне тысячи различного рода работ, то сегодня мы имеем уже вряд ли легко поддающееся исчислению число работ практически во всех науках, как естественных, так и гуманитарных.

О чем это говорит? Может быть о том, что различные культуры, пусть и неосознанно, но приближаются к признанию того, что расхождение присущих им логик не исключает, а, наоборот, предполагает общую точку их происхождения, некое исходное первородное начало. Во всяком случае, сегодня практически ни одна из наук не может обойти своим вниманием избирательность и направленность взаимодействия, которая открывается в пределах свойственных этим наукам предметов исследования. О комплементарных (и комплиментарных) взаимодействиях нуклеотидов в молекулах ДНК пишут в молекулярной генетике, но о таких же взаимодействиях пишут этнологи, экономисты, химики, лингвисты и т. д. Однако до сих пор очень мало внимания уделяется тому, о чем говорит использование одних и тех же понятий в разных науках, на какие универсалии мироустройства они указывают.

Принцип избирательности и направленности взаимодействия представля-

ет собой теоретико-методологическое обоснование идеи о том, что Универсум, вбирающий в себя все виды систем, в том числе и живых, имеет общий семантический базис. Иными словами, разные уровни организации материи, представляя разные по своей сложности семантические структуры, используют один и тот же принцип смыслообразования, благодаря которому Универсум обеспечивает свою устойчивость как саморазвивающегося явления.

Непонимание возникает в том случае, когда на вопрос, который задает сегодня физик психологу по поводу избирательной работы мозга, явно сформулированный в бинарной логике, он получает ответ, сформулированный в многомерной логике. Очень трудно объяснить физику, математику, физиологу, что мозг не перерабатывает весь объем информации, поступающий через рецепторы. Что на переработку поступает только то, что имеет смысл и ценность. И что дело может быть даже не в мозге, потому что с задачей отбора значимой информации справляются существа, не имеющие мозга, но их пространство жизни представлено своей, пусть и более простой, но семантически оформленной реальностью. Мы уверены, что представители разных наук смогут лучше понять друг друга, если поймут, что за используемыми ими понятиями и формулами просвечивает исходная семантика Универсума.

Итак, сегодня уже не требует доказательств тезис о том, что любые открытые системы («человекоразмерные» (В.С. Степин) в том числе) обеспечивают свое устойчивое существование за счет

обмена со средой энергией, веществом, информацией. Труднее принять мысль о том, что всем открытым системам, составляющих Универсум, присущи свои *органы отбора*, сложность устройства которых адекватна сложности систем, которые они представляют, но при этом способ функционирования этих органов имеет нечто общее, инвариантное. Прав Л.С. Выготский: психика есть «орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» [3, с. 347].

Следовательно, не только человек постоянно находится в точке «несовпадения с собой» (М.М. Бахтин). Возможно, здесь мы сталкиваемся с основополагающим принципом, адекватным для всего Универсума: его семантика инвариантна в своей основе для любых систем. Это принцип направленного, *избирательного взаимодействия*, составляющий квинтэссенцию самоорганизации, и ее самое яркое проявление в качестве базального основания саморазвития – как всего Универсума, так и составляющих его систем.

Активное ожидание в форме выхода системы в пространство окружающего мира и его искажения собственной «субъективностью», смысловая разметка мира – это то, что свойственно открытым системам любого уровня. Следовательно, такие понятия, как ожидание, смысл, вера, надежда, любовь и другие «экзистенциалы», относимые нами исключительно к человеку, предзаданы самими принципами организации Универсума и на низших уровнях развития систем существуют в своей потенциальной, еще не разверну-

той форме. Именно в такой форме они предстают перед «естественниками» и, понятно, что не все из них могут разглядеть то, во что они разовьются на высших стадиях организации жизни. Видимо наукам придется сменить стратегию и начать движение к познанию низших форм, отталкиваясь от того, что стало уже известно при изучении человека как представителя высшей формы жизни.

Принцип порождающего эффекта избирательного взаимодействия

В свое время А. Энштейн оценил как «величественную» идею М. Фарадея, полагавшего, что электрическая частица уже самим своим существованием порождает изменение состояния пространства в своей непосредственной окрестности (электрическое поле). Однако ведь не менее величественно выглядит и идея Л.С. Выготского, считавшего, что положительная роль психики заключается не в отражении реальности, а в том, чтобы «субъективно исказить действительность в пользу организма» [3, с. 347]. Субъективно искаженная действительность реальна, но сверхчувственна: психологи не привыкли иметь дело со сверхчувственными качествами предметов, и долгое время игнорировали эту идею Л.С. Выготского.

Как уже отмечалось, каждая более или менее развитая теория, так или иначе, выходит к многомерным пространствам, существование которых невозможно описать в логике только субъективного или объективного, вне-

шнего или внутреннего, психического или физического. При этом сам процесс выхода науки к новым парадигмальным устоям до сих пор остается в тени реальной научной практики, во многом еще основанной на бинарной логике.

Культурно-историческая психология раньше других теорий стала проникать в механизм порождения динамических смысловых полей, в которых проходит жизнь человека. Может показаться странным, что до сих пор не получила признания (и даже какой-либо оценки) мысль Л.С. Выготского о том, что «положительная роль» психики заключается не в отражении реальности, а в таком искажении ее, которое позволяет человеку действовать осмысленно, т.е. понимая смысл и ценность своих действий. Но в этом нет ничего странного: эта мысль значительно опередила свое время. Даже сегодня для многих психологов «труднопереносимой» является идея о том, что психика и сознание не тождественны отражению мира, а их функциональный смысл заключается в том самом «искажении» действительности, которая равносильна *порождению* многомерной реальности, «удвоенной», не сводимой ни к одному из образующих ее полюсов. В этом порождающем взаимодействии человека с миром формируются сверхчувственные измерения предметов, составляющих «внешнее поле» его бытия, но при этом такое поле, которое неотделимо от человека, и входит в определение человека как целостного явления.

«Возможен ли товар = сверхчувственная вещь (Маркс) без психики?», – задает вопрос Л.С. Выготский [5, с. 59].

Пройдет 70 лет и современные философы, разрабатывающие проблему многомерности социального бытия, укажут на сложности вхождения в логику многомерного мышления, выделяя, в частности, проблему дальнего действия, которая в философском плане «еще недостаточно оценена и осмыслена», и связанную с ней способность науки выделять *сверхчувственные объекты* и работать с ними. Для нашего анализа важно учесть указание на то, что *одномерное* представление о человеческой деятельности не может быть достаточной характеристикой сверхчувственных аспектов бытия вещей, тем более людей. В.Е. Кемеров пишет о том, что когда «человеческие предметы» попадают в живое движение деятельности, они раскрывают свою многомерность, включаясь в жизненный процесс развивающейся личности, ребенка или взрослого. За термином «сверхчувственное» скрываются процесс, организованность, развернутость в пространстве и во времени человеческих деятельных сил [7].

Еще более сложным является то, что вытекает из многомерной логики, а именно признание того факта, что *сознательное* и *духовное* являются выражениями сверхчувственной сложности человеческого бытия, понятого в его континуальности. Деятельность является способом раскрытия отношения человека к миру и к самому себе, а «сущность психики с положительной стороны...интенциональное отношение к предмету», – заметил Л.С. Выготский [5, с. 59]. Остается вопрос о том, каким образом интенциональное отношение

человека транспонируется, проецируется в предметы и явления внешнего мира, делая их многомерными «человеческими предметами», отвечающими ожиданиям, намерениям, потребностям и возможностям человека, но это и есть вопрос, на который не успел ответить Л.С. Выготский. При этом он никогда не прекращал поиск «психологических свойств внешнего», через которые человек обретает способность воздействовать на себя, «извне овладевать собой» [3, с. 106]. Но к этим сверхчувственным (психологическим) качествам предметов еще надо было выйти, сделав невероятно сложный ход: ввести отношение в отражение, совместить «две стороны единой характеристики сознания. Одна сторона – это процессуальная сторона, другая – феноменальная, смысловая, она же – предметная» [15, с. 36]. С позиций современной психологии можно сказать, что сама задача была поставлена правильно, но не была решена.

Кризис культурно-исторической теории возник потому, что средства системного анализа в то время еще не были разработаны в достаточной мере. Сегодня через анализ дневниковых записей Л.С. Выготского мы знаем, что он нашел все-таки то, что назвал «ошибкой нашего анализа», а именно он понял, что ошибка заключалась в раздельном анализе внешнего поля и смыслового поля. Понял, что такой «параллелизм», нарушает их единство: «надо взять единый план» и выйти к «текучей динамике» жизни, к «динамике сорта *flus-sig*» [6, с. 129]. Как же взять «в едином плане» смысловое поле и внешнее поле? Как в реальности сосуществуют эти два

поля? По сути дела, это и есть выход к реально существующей многомерности жизненного пространства человека, открыть которую можно только с помощью особого системного анализа. Л.С. Выготский понял и другую свою ошибку: кризис теории не в недостатке фактов, а в «несостоятельности» теории: «Мы слишком поздно ввели системную точку зрения. Сейчас я понимаю все это глубже» [6, с. 136].

В одной из статей в данном журнале я уже писал об экспериментальных исследованиях процесса смыслообразования, из которых можно было с уверенностью заключить, что смыслы возникают сами, а не являются запланированным результатом специальной («смыслообразующей») деятельности человека [11, с. 9–21]. Так называемые операциональные смыслы «самообразовывались» и существовали в виде особых сверхчувственных качеств (измерений) предметов, определенным образом маркируя предметы в качестве значимых, необходимых, отвечающих человеку, его текущему состоянию «здесь и теперь». К такому «незапланированному продукту» привела попытка на экспериментальном уровне проверить гипотезу Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, инструментально нащупать это единство.

Это была первая наша встреча с эффектами самоорганизации, характерной для открытых человекообразных систем. Становилась понятной природа самоотбора: человек не выбирает из своего окружения (путем перебора его предметного состава) то, что ему нужно здесь и теперь. Смыслы (и эмоции,

которые их считают) выступили в качестве проводников в сознание тех предметов, которые соответствуют текущему состоянию человека. Сегодня можно делать и более радикальные утверждения: человек, как открытая система, живущая за счет обмена со средой веществом, энергией, информацией, не знает самого себя в своих меняющихся дефицитах. Скорее, все обстоит с точностью до наоборот: *человек узнает о своих меняющихся потребностях и возможностях через то, что является к нему из окружения.*

Что касается мышления, которое мы в то время исследовали, то самым поразительным фактом оказался тот, что на любое изменение состояния человека (трансформация поисковой познавательной потребности, перестройка мотивов деятельности, целей и т. д.) возникала ответная динамика условий, в которых совершалась мыслительная деятельность. Ситуация деятельности перестраивалась, отвечая динамикой ценностно-смысловых измерений того, что в каждый момент составляет ситуацию, а вместе с тем перестраивалась и предметная (формально-логическая) структура ситуации. Психологическая ситуация тем и отличается от всего другого, входящего в понятие «объективная реальность», что она имеет ценностно-смысловое измерения, при этом ее можно рассматривать как часть, как наиболее подвижный и напряженный сектор жизненного мира человека. Ситуация порождается при встрече субъективной реальности и реальности объективной и выступает как явление многомерное, субъективно-объектив-

ное, вполне упорядоченное и, в свою очередь, упорядочивающее взаимоотношения человека со средой.

Обобщая можно сказать, что только открытые системы способны удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить. Усложняясь в каждом акте взаимодействия за счет принятия в себя «своего иного», переструктурируясь, вписывая его в себя, системы наращивают уровень своей системной организации и потому живут до тех пор, пока могут усложняться. Поэтому самоорганизация является условием саморазвития открытых систем. Таковой мне кажется природа их эволюции, будь то человек, или научная теория, или биогенетическая система, или любая другая система, которую можно считать открытой. Многомерное мышление не могло просто так прийти в психологию: оно должно было вызреть в ней. Процесс становления профессионально-психологического мышления, его поднятия на все более высокие уровни сложности, достоин особого анализа. Ведь речь на самом деле идет о степени готовности постнекласической науки не только ставить задачи повышенной сложности, но и предлагать решения этих задач.

Структура постнекласического подхода

Переход к изучению открытых систем можно понять как движение через линию демаркации, разделяющей между собой две стадии в развитии на-

уки – классический и неклассический ее этапы. Необходимо заметить, что методологи науки давно поняли, что они имеют дело с непрерывным процессом направленного изменения этих форм (парадигм), но ставить вопрос о самодвижении науки и механизмах ее саморазвития было слишком рано. Прерогатива такой постановки вопроса относится к мышлению, адекватному постнеклассической науке, предметом которой как раз и являются открытые саморазвивающиеся системы. Современная эпистемология смогла выявить закономерности движения научного познания, проявляющиеся в виде последовательного усложнения уровня системности мышления ученых. Это усложнение проявляется в том, что сначала они научились выделять и делать предметом исследования простые системы (классическая наука), затем сложные саморегулирующиеся системы (неклассическая наука). Современное мышление позволяет различать и делать предметом изучения сложные саморазвивающиеся системы.

«Саморегулирующийся механизм» науки раньше воспринимался как достаточно сложный феномен на фоне мышления, выделяющего только простой механизм ее развития в виде линейного (кумулятивного) прироста знаний. Теперь этот феномен, в свою очередь, оказывается слишком простым: он не схватывает механизм усложнения системной организации науки, в результате которого она может рассматриваться как «постоянное расширение способа восприятия человеком мира и себя в нем» [18, с. 125]. Думается, что вовсе

не случайно Т. Кун, автор парадигмального подхода заметил, что «мы все еще стоим перед задачей объяснения того, почему наука – наш самый бесспорный пример полноценного познания – развивается так, а не иначе, и, прежде всего, мы должны выяснить, как это фактически происходит. На удивление мало мы еще знаем о том, как отвечать на этот вопрос» [14, с. 39].

Пользуясь транспективным анализом можно выделить тенденцию усложнению профессионально-психологического мышления внутри неклассической парадигмы, но за микродинамикой внутри формы (неклассика) открывается макродинамика смыслового поля психологии, сопряженная с ростом общей (междисциплинарной) культуры научного мышления, каковая и задает направленность развития конкретной науки в форме объективной тенденции ее развития.

Д.А. Леонтьев, рассуждая о «неклассическом прорыве» в психологии, предложил *структуру неклассического подхода*, которая была выведена им в процессе перехода от исторической логики анализа к структурной логике. Были обозначены шесть аспектов, каковые и выступили в качестве обобщения сути неклассического подхода в науках о человеке [16]. Попробуем теперь, отталкиваясь от тезиса о том, что постнеклассический подход представляет собой дальнейшее развитие идей, на которых базируется неклассическая психология, показать существенные признаки этого развития. Соглашаясь с тем, что неклассическое знание не сменяет классическое, «а существенно до-

страивает его, обеспечивая более глубокое проникновение в те проблемы, которые ранее были уделом классического знания» [16, с. 214], необходимо принять тезис о том, что и постнеклассическое знание существенно достраивает знание неклассическое: именно это «существенное достраивание» оправдывает введение этого не очень благозвучного понятия – «постнеклассика».

Д.А. Леонтьев считает правомерным говорить о постепенной трансформации психологической науки в направлении, которое он определяет в виде «неклассического вектора», в соответствии с которым отход от классической модели происходит в пользу все большего признания уникальности человека и его сознания как объекта изучения. Мы, в свою очередь, полностью это принимая, пытаемся выявить природу возникновения «неклассического вектора». Для этого и был разработан транспективный анализ, направленный на то, чтобы в *ставшем*, уже оформившемся психологическом знании разглядеть процесс его *становления*. «Изучать исторически что-либо – значит изучать в движении» [4, с. 62]. Требование совмещения исторического анализа с изучением структурно представленных форм (парадигм) и тем самым преодоление разрыва между ними (который и до Л.С. Выготского, и многие годы после него продолжает выглядеть непреодолимым) стало для нас реальной методологической задачей.

Итак, приведем обозначенные шесть аспектов, выступивших у Д.А. Леонтьева в качестве обобщения сути неклассического подхода в науках о человеке

[16, с. 220–221], достраивая их в постнеклассическом ключе (насколько это позволяет принятые нами методологические установки).

1. «Идея бытия-в-мире, единства индивида и его жизненного мира в единой структуре их взаимодействия представляет собой *целостно-онтологический аспект* неклассического подхода» [16, с. 220].

В разрабатываемой нами системной антропологической психологии (САП) многомерное пространство жизни человека входит в само определение человека. Оно неотторжимо от человека и представляет самое человеческое в нем, его человеческую сущность, его индивидуальность. Сознание человека зависит от организации этого пространства. Сама возможность возникновения сознания и его основные свойства, такие как предметность, избирательность, осмысленность, реалистичность, системность, уровневость и т. д., фундируются особенностями организации многомерного пространства жизни. В логике САП сознание открывается как общесистемное, интегративное качество человека, качество эмерджентное, т. е. исчезающее сразу и целиком при любом «рассечении» системы «человек» на исходные элементы. Системная антропология исходит из того, что субъективное и объективное, внутреннее и внешнее, вступая во взаимодействие образуют пространство жизни человека, но указанные «противоположности» при этом не находятся в состоянии гуссерлианского «слипания», и не образуют бесформенный конгломерат из того и другого, а пребывают в упо-

рядоченном (многомерном) единстве. В поле ясного сознания человека не попадает ничего такого, что не имеет для человека значения, смысла, ценности. «Видимыми», точнее «ведомыми» для человека смыслы становятся только благодаря эмоциям. Эмоции и есть специфический аппарат отражения этих сверхчувственных качеств и одновременно форма, в которой они существуют для человека. То, что имеет для человека значение, смысл, ценность, обладает шансом попасть в сознание. Остальное сливается с фоном, но «если бы глаз видел все, он не видел бы ничего» [3, с. 347].

2. «Идея первичности взаимодействия, жизнедеятельности по отношению к сложившимся устойчивым структурам как индивида, так и мира, принцип «существование предшествует сущности» (Сартр, 1994) образуют *экзистенциальный аспект* неклассического подхода» [16, с. 220].

Утверждение первичности взаимодействия в неклассической психологии необходимо признать одним из самых существенных ее достижений. Постнеклассика только «достраивает» и раскрывает его, предполагая, что здесь мы сталкиваемся с основополагающим принципом, адекватным для всего Универсума. Его семантика инвариантна в своей основе для любых открытых систем, поскольку принцип избирательно-го взаимодействия с его порождающим эффектом составляет квинтэссенцию самоорганизации, и ее самое яркое проявление в качестве базального основания саморазвития – как всего Универсума, так и составляющих его систем,

включая человека. За комплиментарными взаимодействиями скрывается механизм порождения жизненного мира человека. Однако в логике САП мы предпочитаем говорить не о жизнедеятельности, а о *жизнеосуществлении*, рассматривая человека в его открытости, как в мир, так и к самому себе. Большим количеством исследований удалось установить связь между усложнением многомерного пространства жизни человека в ходе онтогенеза и становлением адекватных этим изменениям форм сознания – предметного, смыслового, ценностного [2; 20; 21].

В связи с этим гуманитарные технологии, находящиеся на разных стадиях разработки или только замысла, ориентируются нами на проектирование таких образовательных сред, которые позволяют человеку формировать свое многомерное пространство жизни, наращивая суверенность, прокладывая траектории жизнеосуществления таким образом, чтобы максимально реализовать имеющиеся у него жизненные ресурсы.

3. «Идея «искусственной», самосоздаваемой природы человека, интериоризации знаково-символических содержаний как основы психического и личностного развития образует *культурно-исторический аспект* неклассического подхода» [16, с. 220].

Думается, что дальнейшее развитие этого тезиса в постнеклассической психологии идет по пути конкретизации положения, сформулированного Л.С. Выготским. «Сознание как бы прыжками следует за природой, с пропусками, пробелами. Психика выбира-

ет устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т. е. субъективно искажать действительность в пользу организма [3, с. 347]. Становится очевидным, что вне культуры сознание человека не формируется. От культуры здесь нельзя отмахнуться как от привходящего явления, которое можно игнорировать в научных идеализациях, пытаясь абстрагироваться от «некоторых факторов», заслоняющих изучаемую сущность. Культура не просто «усваивается» людьми: она проникает в физическую реальность (вещь в себе), превращая ее в «вещь для нас». Формируемое при непосредственном участии культуры, через диалог с культурой опосредованный «значимыми другими», многомерное пространство жизни становится характеристикой человека, его определяющим признаком, опосредующим звеном между Я и миром «чистой объективности», в который у человека нет прямого выхода, поскольку между мирами располагается многомерная структура «Я в не-Я».

4. «Идея самодетерминации, целенаправленности, смысла как основы специфически человеческого способа функционирования образует *субъектный аспект* неклассического подхода. Субъектность человека, основанная на высших формах психологического

функционирования, трансцендирует естественные механизмы удовлетворения базовых потребностей и открывает возможность действия на иных основаниях» [16, с. 220–221].

С нашей точки зрения, неклассика – это мощный пласт психологии, пронизанный тенденцией перехода науки от бинарного мышления к тернарному. Он содержит в себе также и ранние выходы к многомерному мышлению, которые до сих пор наукой не оценены. Тернарная логика – это не просто логика, учитывающая нечто «третье», дислоцирующееся «между» двумя противостоящими реальностями, но такая логика, которая пытается определить ту новую форму, в которую они превращаются в процессе взаимодействия. Она начнет рассматривать психику как то, что проникает в мир и транспонирует в него всю систему отношений человека к миру и самому себе. Таким образом, тернарная логика реанимирует Дух в психологии, который предстает теперь (по М.М. Бахтину) как совокупность *всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя*. С нашей точки зрения, Дух – это полномочный представитель целостного человека в окружающем его мире. Он превращает безличную, индифферентную, в себе и для себя существующую «окружающую среду» в *многомерное одушевленное пространство жизни*, в котором человек может действовать, понимая смысл и ценность своих действий, т. е. действовать осознанно и потому ответственно. Дух это транслятор человеческих ожиданий, надежд, потребностей и возможностей, т. е. всей совокупности того, что лежит

в основе системы отношения человека к миру, в «равнодушную» по отношению к нему окружающую среду. Эта трансляция превращает «вещь в себе» в «вещь для нас», обеспечивая человеку чувство реальности бытия. Она делает соотносимыми то, что в системе «Я» – «не-Я» выступает в качестве «противоположностей». Иными словами, Дух – это описание психического, понятого в его непрерывности и континуальности, в дальнедействии, т.е. в его способности порождать реальность человеческого бытия путем транспонирования отношений человека в окружающее пространство, заставляющего резонировать в ответ то в нем, что способно ответить. Замечу, что эта мысль не является результатом работы теоретизирующего ума. О смыслах и ценностях как сверхчувственных качествах предметов нам пришлось заявить, когда аппаратная запись эмоций, синхронизированная с содержанием разворачивающейся деятельности испытуемого, вскрыла неожиданный и труднообъяснимый в то время феномен, а именно непрерывно идущий отклик объективных условий деятельности на меняющиеся субъективные человеческие ожидания и запросы [9].

Представления о сверхчувственных качествах были конкретизированы при разработке принципа *системной детерминации*, в соответствии с которым, внутреннее и внешнее, субъективное и объективное, вступая во взаимодействие, производят нечто третье – сверхчувственные, общесистемные качества, такие как смысл и ценность. Будучи психологическими новообразованиями, не сводимыми ни к первому, ни ко

второму, они становятся своеобразными параметром порядка, указывающими направления развития человека за пределы ее актуального состояния, организуя тем самым переход возможности в действительность как основание устойчивого существования саморазвивающихся систем в реальном времени и пространстве.

5. «Идея циркуляции семантических содержаний и разомкнутости человеческих сознаний друг другу выражает диалогический аспект неклассического подхода. Смыслы, ценности, другие содержания циркулируют между индивидами и между ними и миром культуры, «Миром 2» и «Миром 3» (Поппер, 2002), за пределами индивидуальной личности» [16, с. 221].

Постнеклассическое развитие этой идеи связано со становлением смысловых и ценностных измерений жизненного мира человека. Через ценности и смыслы человек встречается с самим собой в пределах многомерного, им же (с помощью интерсубъективных коммуникаций) созданного жизненного пространства. Можно полагать, что аутокоммуникация – как свойственный человеку процесс, идущий внутри человека и представляющий особую форму взаимодействия человека с самим собой, станет значимым предметом исследования в постнеклассической психологии. Уже сегодня можно отметить повышенное внимание к таким конструктам, как «автокоммуникация», «внутриличностная коммуникация», «интрасубъектная коммуникация», «интраперсональная коммуникация», «интрапсихическая коммуникация».

Психологи сравнительно давно заметили, что распад личности как системы сопровождается тем, что если человек «перестает речевым способом обращаться с самим собой», то при этом проявляется «другая сторона» – распадаются внешние, интерпсихологические отношения [3]. Современными исследованиями [19] показано, что аутокоммуникация человека активизируется предметами и явлениями, попадающими в сознание в силу того, что они имеют для него субъективную значимость, но при этом эмоциональная форма, в которой существуют смыслы и ценности предметов и явлений, подталкивает человека к внутреннему диалогу, направленному на «осмысление смысла» – осмысленность человеческого сознания, по мнению Л.С. Выготского, возникает «через слово и понятие». Через аутокоммуникацию человек решает «задачи на смысл», потому что только «распаковывая смыслы» он встречается с самим собой, и узнает о себе, о своих актуальных потребностях и возможностях через то, что является к нему из окружения.

6. «Идея открытости возможностям образует *возможностный аспект* неклассического подхода. Если естественные науки изучают законы природы как проявление неумолимой необходимости, то объектом наук гуманитарных служит реальность возможного, того, что существует, но могло бы не существовать...» [16, с. 221].

Относительно дальнейшего развития этой идеи в постнеклассической психологии можно кратко заметить, что постнеклассика имеет дело с само-

развивающимися системами, существующими в режиме развития, которое можно понять как переход возможности в действительность. Это, прежде всего, касается систем человекоразмерного уровня.

Важно заметить, что многомерное мышление, при всех трудностях его освоения, все-таки пробивает себе дорогу не только в теоретико-методологическом плане, но и в плане конкретно-практическом. При этом переключение с бинарной системы на многомерную представляет собой процесс выхода к новому способу миропонимания, но невозможно одномоментное переключение исследователя на рельсы нового мышления. Здесь определенным образом может помочь транспективный анализ как способ изучения живых открытых саморазвивающихся систем в самом процессе их самодвижения, однако и сам он является продуктом сверхсложного мышления [10]. Что же делает многомерное мышление сверхсложным?

Субъективная оценка уровня сложности мышления зависит от того, насколько легко сможет психолог включить в свой образ мышления некоторые идеи, которые можно оценить и как признаки сверхсложного (многомерного) мышления:

- наступает период, когда необходимо реконструировать целое, чтобы понять части: психика как таковая и психика в структуре целостно понятого человека – это два разных феномена;
- мыслить предстоит в терминах динамического целого, а не статических суверенных частей, даже таких «при-

вычных» как личность, сознание, психика, зачастую понимаемых в качестве самостоятельно «работающих» органов, подчиненных собственной логике и присущим им «механизмам»;

- от дискретного понимания психических феноменов необходимо перейти к континуальному представлению о них: например, понять психику, сознание в их «неподкожности», непрерывности и дальнодействии – нет пока другого способа реанимировать психологию как науку о душе, о духе и духовном человеке;

- человек как целое, благодаря психике, представляет собой сложнейшую пространственно-временную организацию, открытую в мир и к самому себе саморазвивающуюся систему с присущими ей темпоральными проявлениями, системной детерминацией инициативных (инновационных) форм жизнеосуществления;

- темпоральность (временная сущность явлений, порожденная динамикой их самодвижения) вводит существенно другое представление о последовательности времен в саморазвивающихся системах: будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему;

- меняется масштаб видения человека как предмета психологического осмысления: привычные рамки «субъект – бытие – жизнедеятельность» или «личность – личностный рост – самореализация» сменяет постнеклассическая по сути, задающая более высокий и широкий масштаб видения проблемы

рамка «человек – жизнь – жизнеосуществление»;

- открытые системы человекообразного уровня не производят энергию, необходимую для поддержания активности – они способны отбирать ее извне и концентрировать вдоль тенденционально представленных силовых линий, по которым человек вытягивает себя из настоящего, подчиняясь будущему;

- смыслообразование (производное самоорганизации) выделяет в жизненном пространстве человека такие места (точки, секторы, сегменты), в которых будущее уже реально присутствует «здесь и теперь» и, следовательно, места, в которых саморазвивающийся человек не совпадает с самим собой;

- оперативные (операциональные) смыслы и ценности представляют собой особые сверхчувственные качества предметов и явлений, их особое субъективное измерение, возникающее в актах взаимодействия человека с миром и только в тех местах этого мира, в которых обнаруживается соответствие между текущими состояниями человека (его напряженными потребностями и возможностями) и тем в мире, что откликается на его ожидание, на его запрос, обращенный к миру.

Итак, зафиксированный с помощью транспективного анализа рост сложности профессионально-психологического мышления, выступил в данном случае в качестве показателя прогрессивной эволюции психологического познания. Именно этот рост фиксирует парадигмальная динамика (последовательная смена парадигмальных ус-

тановок), раскрывая возможности для постановки и решения новых, и соответственно, более сложных и комплексных научных и прикладных задач.

Главным остается вопрос о том, какие проблемы позволяет ставить и решать наука, использующая многомерное мышление. Прежде всего, это проблема избирательности и осмысленности сознания человека, проблема зависимости этих качеств сознания от организации жизненного мира человека. Новый взгляд на онтогенез как последовательное обретение миром человека новых, более высоких измерений (значения, отвечающие за предметность мира, смыслы, обеспечивающие человеку чувство реальности бытия, ценности, стабилизирующие пространственно-временную развертку собственно человеческого бытия). Решение проблемы детерминации и направленности нормотворческой активности, в том числе и инновационной активности [13].

Литература

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.
2. Вахрушева А.С. Вербальное опосредование в становлении предметного сознания: Дис. ... канд. психол. наук Барнаул, 2003.
3. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
4. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
5. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1986. № 1.
6. Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2.
7. Кемеров В.Е. Социальная философия. Курс лекций. Екатеринбург, 2000.
8. Климов Е.А. Об амбифлкторной природе психического // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1992. № 1.
9. Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 1991.
10. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) // Томск: ТГУ, 2005.
11. Ключко В.Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология обучения. 2008. № 8.
12. Ключко В.Е. Психологические основания системной педагогической антропологии // Психология обучения. 2011. № 11.
13. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009.
14. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Вып. 3. Проблемы анализа знания. М., 1997.
15. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994.
16. Леонтьев Д.А. Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сб. научных работ к 70-летию со дня рождения

Алексея Алексеевича Леонтьева / Под ред. Т.В. Ахутиной, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008.

17. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд. изм. и доп. / Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Изд. группа «Прогресс»: Культура, 1992.

18. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.

19. Мацута В.В. Аутокоммуникация человека: функциональный аспект: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2010.

20. Файзуллаева Е. Д. Развитие рефлексивности как условие гармонизации процессов становления смыслового сознания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2010.

21. Чуешева Н.А. Становление смыслового сознания: системный контекст: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2008.

Поступила в редакцию 23. VI. 2012 г.

A Psychological Theory of Modern Education

Klochko V.E., *Doctor of Psychology, Professor of the Department for General and Pedagogic Psychology of the Faculty of Psychology of Tomsk State University / klo@nextmail.ru*

MULTIDIMENSIONAL PSYCHOLOGICAL THINKING: ANTHROPOLOGICAL PLANES

Methodological fundamentals of a system anthropological psychology as a scientific direction developed by a large group of Siberian scientists are considered. A system anthropological psychology is a theory, which is based on postulates of cultural-historic psychology by L.S. Vygotskiy, and a trans-spective analysis is a specially designed mean, that enables to find tendencies of development of science as a self-developing system. A trans-spective analysis enables to set a process of complication of professional and psychological thinking in scientific cognition and shows, that dimension of modern psychology is represented through thinking of all tiers of complexity. There is a concept 'complementary influence' used in various sciences including humane and natural sciences. A definition of nature of development of multidimensional life dimension of a human being that is a basis for arising such properties of consciousness as consistency and consensences.

Key words: *paradigm dynamics of science, self-development, self-regulation, selective interaction, complementarity, unidimension, binary, ternary, multidimensional.*